

Облаченный в черный костюм для верховой езды, Пэй Чан держался в седле с безупречным, благородным изяществом.

Директор Ли, скакавший бок о бок с ним, мимоходом скользнул взглядом по его шее, где отчетливо виднелась отметина, и понимающе усмехнулся:

— Ого, неужели у нашего грозного генерального директора Пэя кто-то появился?

Пэй Чан слегка натянул поводья и, одарив собеседника холодным взглядом, бросил:

— Нет.

— Что ж, тогда выходит, вы завели на редкость ревнивого питомца, — с улыбкой подытожил Ли, переводя взгляд вперед.

Пэй Чан презрительно фыркнул:

— Не знаю, насколько ревниво мое имущество, но вам, директор Ли, определенно не мешало бы поменьше совать нос в чужие дела.

Тот лишь раскатисто расхохотался.

Пэй Чана многие боялись, многие недолюбливали, но находились и те, кто искренне им восхищался. Директор Ли, пробивший себе дорогу наверх исключительно собственным трудом, ценил в молодом человеке решительность и жесткую хватку. С годами Ли начал стареть, былая юношеская дерзость потихоньку угасала, и внезапное появление на деловой арене столь амбициозного и безжалостного игрока дарило ему давно забытый азарт.

— Моей младшей дочери в этом году исполнилось двадцать два. Прелестное, совершенно очаровательное создание. Если бы генеральный директор Пэй не возражал...

— Насколько я помню, сегодня мы здесь ради бизнеса, а не для сватовства, — отрезал Пэй Чан, даже не пытаясь смягчить тон.

Глаза Ли азартно блеснули — именно это высокомерие, эта бескомпромиссность и привлекали его в Пэй Чане.

— Ну, если женщины вас не прельщают, у меня есть еще и сын, ему двадцать пять...

— Директор Ли, вы настолько отчаялись заключить эту сделку, что готовы распродать собственных детей? — Пэй Чан лениво приподнял веки, и в его темных глазах сквозила

откровенная издевка.

Подобная грубость, однако, лишь вновь рассмешила пожилого бизнесмена. Отсмеявшись, он с сожалением покачал головой:

— Как жаль, что в ваших жилах не течет кровь моей семьи.

С человеком столь расчетливым, умным и опасным стоило держать ухо востро и оставаться исключительно союзниками.

— Генеральный директор Пэй, давайте поспорим. Устроим скачку. Если победа останется за вами, я уступлю вам еще один процент по контракту, — Ли с азартом уставился вдаль, крепче сжимая поводья. В его почтенном возрасте подобные вспышки азарта случались крайне редко.

Пэй Чан неторопливо поправил кожаные перчатки.

— Два процента.

— А вы умеете выкручивать руки.

Едва договорив, Ли сорвался с места.

Глаза Пэй Чана вспыхнули ледяным вызовом. Взмах хлыста — и его вороной скакун стрелой ринулся вдогонку.

— Не думал, что вы так уверенно держитесь в седле! — крикнул Ли сквозь свист ветра. — И давно вы занимаетесь верховой ездой?

— С детства.

Уже в три года он без посторонней помощи объезжал манеж. И даже когда однажды сломал руку, упав с лошади, он просто поднялся и снова сел в седло, не выказав ни единой эмоции.

\*\*\*

В больничной палате генеральный менеджер робко топтался у постели старейшины Пэя.

У рыжеволосого юноши не водилось особых талантов, но вот отслеживать людей он умел мастерски. За все эти дни Пэй Чан так ничего и не заподозрил.

Старейшина Пэй отложил присланные снимки.

— Значит, он обосновался в доме на улице Шанцзин? — тихо спросил старик.

— Да. Говорят, это здание досталось ему в наследство от Чэнь Сыцин. Он живет там уже больше двух недель, — поспешно закивал менеджер.

Ответа не последовало. Мужчина осторожно поднял голову и заметил, как в тусклых глазах патриарха промелькнул странный, зловещий блеск.

В последнее время его собственное положение в Корпорации Пэй становилось все более шатким. Он отчаянно жаждал возвращения старейшины к делам. Даже если тот не сможет полностью забрать бразды правления, нельзя позволить Пэй Чану превратить компанию в свою личную империю, где никто не смеет перечить его воле!

Стиснув зубы, менеджер заговорил увереннее:

— Он окончательно отбился от рук. Никого не слушает, а совет директоров для него вообще пустой звук. Предыдущий скандал и без того сильно ударил по репутации Корпорации Пэй, а если он продолжит в том же духе, я боюсь...

Менеджер замолчал, прощупывая реакцию старика.

Старейшина Пэй перевел взгляд на окно, за которым чернели аккуратно подрезанные сухие ветви деревьев.

— Все верно, — негромко проскрежетал он. — Дерево, что растет криво, нужно вовремя подрезать. Только тогда оно станет крепким.

Он понимал, что его дни сочтены и он мало что может сделать для внука. Но пока в нем теплится жизнь, он преподаст Пэй Чану последний, самый важный урок.

— Поезжай в старое поместье. Забери там одну вещь и передай ее Пэй Чану.

— Что именно? — растерялся менеджер.

Но стоило ему натолкнуться на ледяной, не терпящий возражений взгляд старика, как он тут же покорно склонил голову:

— Будет исполнено.

\*\*\*

Слуги разошлись еще в десять вечера. В огромном доме воцарилась глухая, звенящая тишина, а ночной мрак за окнами казался гуще обычного.

Пэй Чан редко задерживался допоздна. Его повседневная жизнь была монотонной, выверенной до скуки, и даже деловые ужины никогда не затягивались. Но сегодня стрелки часов перевалили за полночь, а его все не было.

В темном углу шевельнулась и медленно поднялась на ноги высокая фигура. Ее длинный, невероятно худой силуэт жуткой кляксой пополз по стене, заламываясь на потолке. Густые, угольно-черные волосы волнами спадали до самых лодыжек, колыхаясь при каждом движении. Раздался глухой, тяжелый лязг — оковы на ногах неохотно потащились вслед за своим хозяином.

Подойдя к окну, он уставился на улицу сквозь прорехи в волосах своим единственным, абсолютно черным, лишенным зрачка глазом. В безмолвной вышине сиял щербатый диск луны. Легкий ветерок шелестел листвой, нарушая ночной покой.

Прежде его никогда не заботило то, что происходило за стеклом — весь этот внешний мир не имел к нему никакого отношения. Он давно потерял счет времени, ведь каждый его день походил на предыдущий.

Но сегодня все изменилось. Он ждал. Ждал очень долго, а Пэй Чан все не возвращался.

Его до сих пор не было. Было уже слишком поздно.

Постояв у окна и долго всматриваясь в холодный лунный свет, существо медленно развернулось. С трудом переставляя ноги и волоча за собой тяжелые цепи, оно шаг за шагом направилось к запертой во мраке двери.

\*\*\*

Когда Пэй Чан поднялся в мансарду, в его походке и облике сквозило то, чего раньше никогда не бывало.

Он всегда презирал алкоголь и табак, предпочитая встречать любые невзгоды и душевную боль с кристально чистым разумом. Но за последние недели он выпил и выкурил больше, чем за всю свою прошлую жизнь.

Привалившись спиной к двери, он запрокинул голову и глубоко затанулся. Пиджак небрежно висел в его опущенной руке.

Сегодня вечером он зачем-то поехал в «Золотой залив» и позвал к себе того самого парня, которого в прошлый раз вышвырнул пинком. Юноша послушно опустился перед ним на колени, приоткрыл рот, демонстрируя зажатый между зубами кусочек льда. Но это зрелище вызвало лишь глухое, удушающее раздражение.

Тогда он велел привести женщину.

Она пришла — эффектная, манящая, пахнувшая приторно-сладкими духами, с вызывающе алыми губами. В отличие от покорного раба, она не собиралась пресмыкаться. Она уверенно положила руки ему на плечи и принялась жарко шептать что-то на ухо, обжигая дыханием. Но стоило ей прикоснуться к нему, как внутри Пэй Чана вскипела такая ярость, что он едва сдержал дикое желание свернуть ей шею.

В итоге он остался один и в глухом беспамятстве осушил целую бутылку. Но алкоголь не принес облегчения — изнуряющая, лишаящая сна душевная мука вернулась с новой силой.

Именно тогда он окончательно осознал: он сломался.

В нем больше не осталось места для нормальных человеческих чувств. Он никогда не сможет испытать даже тени желания к кому-либо другому. То, что было утрачено, ушло безвозвратно — включая ту ничтожную крупицу искренности, которой он когда-то обладал.

Пэй Чан докурил до самого фильтра. Его состояние сейчас было странным — он балансировал на грани беспамятства и пугающей ясности. Алкоголь отравлял мозг, туманил рассудок, но где-то в глубине сознания он отчетливо понимал каждое свое действие, каждую мысль.

Не моргая, он медленно прижал тлеющий окурок к собственной ладони. Боль отрезвляла. Он несколько секунд тупо смотрел на свежий ожог, затем прикрыл глаза, заставил себя выпрямиться и повернул ключ в замке.

Сколько бы он ни бежал, как бы долго ни бродил по ночным клубам, в конце концов дорога неизменно приводила его сюда.

Но стоило двери приоткрыться, как его мгновенно наотмашь вжали в стену.

Огромная фигура, едва не упирающаяся макушкой в потолок, заставила зрачки Пэй Чана сузиться от шока. Он впервые видел это существо выпрямившимся во весь рост. На него обрушилась удушающая, пугающая волна потустороннего давления.

Монстр прильнул к его шее, шумно втягивая воздух ноздрями, и обнажил острые, хищные клыки. Почувствовав себя загнанной дичью, Пэй Чан судорожно сжал челюсти.

— Пусти! — хрипло выдохнул он.

Однако тварь и не думала подчиняться. Перехватив его запястья, она одним движением пригвоздила их к стене над его головой. Пэй Чан оказался полностью обездвижен, превратившись в беззащитную жертву.

Острый, как бритва, коготь медленно подцепил и оттянул воротник его рубашки. На белоснежной ткани красовался яркий след чужой помады. Душный аромат женских духов, смешанный с запахом алкоголя, создавал вокруг Пэй Чана шлейф порока и распутства.

Существо шумно, прерывисто задышало. Этот утробный звук мгновенно наполнился бешеной, ураганной яростью.

У самого уха Пэй Чана повеяло могильным холодом — когти монстра с треском пробили штукатурку, уйдя глубоко в стену. Пэй Чан резко повернул голову, бесстрашно вперив в него ледяной взгляд.

— Что, прикончить меня вздумал?

Монстр воззрился на него в упор. В его бездонных глазах бушевал первобытный хаос. В следующую секунду он яростно ткнулся лицом в шею Пэй Чана. Длинный шершавый язык мазнул по кадыку, и тварь с силой вонзила клыки в беззащитную плоть.

Горячая кровь тонкой струйкой потекла к ключице, мгновенно пропитывая воротник и смывая ненавистный след помады. Запрокинув голову, Пэй Чан судорожно вздохнул, сквозь зубы вырвался невольный стон. Было больно, невыносимо больно. Но за этой острой болью последовала обжигающая волна скользких, влажных прикосновений, от которых у него мелко задрожала поясница.

Подол рубашки с треском вырвался из брюк. Ледяные когтистые пальцы бесцеремонно обхватили его талию, скользнув под ткань. Чужой язык, словно пробуя на вкус изысканное лакомство, медленно поднимался от шеи к ключице, а затем двинулся ниже, к груди.

Судорожно сглотнув, Пэй Чан предпринял тщетную попытку отстраниться.

— Прекрати!.. — прохрипел он, но этот сорванный голос лишь подлил масла в огонь.

Из груди вырвался рваный вздох.

Ткань рубашки с треском разошлась по швам. Его бесцеремонно вздернули вверх, заставив обхватить ногами мощные бедра монстра. Оказавшись на весу на пугающей высоте, Пэй Чан инстинктивно вцепился руками в шею существа. Не дав ему опомниться, горячий влажный язык проложил дорожку от груди к самому пупку.

Глаза Пэй Чана распахнулись. Стон сорвался на прерывистый, хриплый выдох. Казалось, по

телу пропустили мощный электрический разряд — он выгнулся всем телом, запрокинув подбородок, а поясницу забила крупная дрожь.

Наблюдая за происходящим, которое для него превратилось в сплошную цензурную размытость, Система «Мужчина-мамочка» 7008 стыдливо прикрыла глаза крошечными ладошками.

[О боже, о боже... Ну я же предупреждал! Это существо смертельно опасно!] — сокрушенно сопело оно, качая головой.

— Не... смей... — выдавил из себя Пэй Чан.

Каждое влажное прикосновение к чувствительной коже лишало его последних сил, выбивая почву из-под ног. Это было куда невыносимее, чем когда чужой язык ласкал лишь его лодыжки. Пальцы Пэй Чана судорожно вцепились в густые черные волосы, бедра напряглись, а в мыслях воцарился полный хаос.

Уткнувшись лицом в его живот, монстр вскинул голову. Сквозь пряди волос он уставился на покрасневшее, влажное от пота лицо Пэй Чана, продолжая нагло и неторопливо исследовать его кожу кончиком языка.

Пэй Чан вздрогнул, чувствуя, как на брюках расплывается позорно-влажное пятно. В тот же миг массивная ладонь, удерживающая его за ягодицы, скользнула выше, пробираясь под остатки рубашки к спине. Острые когти едва ощутимо мазнули по лопаткам.

Пэй Чан задрожал еще сильнее. Он никогда не подозревал, что его тело может быть настолько чувствительным. Лишенный какого-либо опыта близости, он ломался под этим натиском, не в силах противостоять чудовищному соблазну.

Горячее, тяжелое дыхание монстра медленно поползло от живота ниже.

Уголки его глаз покраснели. Пэй Чан с трудом приоткрыл затуманенный взор и сквозь зубы выдавил:

— Только попробуй...

Существо смотрело на него не мигая. В его глазах горел дикий, звериный голод. Пэй Чан впервые столь отчетливо разглядел скрытую в глубине этого взгляда темную, удушающую похоть. Тварь жаждала его целиком.

— М-н-н... — Пэй Чан затрясся, ткань брюк окончательно взмокла.

Он судорожно сжал кулаки, натягивая черные пряди волос существа так, что на тыльной стороне ладоней вздулись вены.

Хлесткий удар.

Он изо всех сил вlepил монстру пощечину.

Влажные от слез глаза Пэй Чана лихорадочно блестели. Грудь ходила ходуном от обжигающего чувства стыда и унижения. Никто и никогда не смел так бесстыдно ласкать его. И уж тем более он никогда не думал, что потеряет контроль от простых прикосновений...

Из горла вырвался стон.

Его снова с силой впечатали в стену. Монстр грубо развел его колени в стороны и поднял еще выше. Длинные ноги Пэй Чана оказались перекинуты через широкие плечи существа, и он фактически навалился всем пахом на его лицо.

От этой запредельно унижительной позы Пэй Чан изменился в лице. Пытаясь оттолкнуть чужую голову руками, он окончательно потерял самообладание.

— Прекрати... ты не смеешь!..

Стиснув зубы до скрежета, он уперся затылком в стену. Разорванная рубашка сбилась у самой груди. Огромные ладони монстра стиснули его талию, фиксируя на месте, а влажный, безжалостный язык принялся жадно слизывать влагу прямо сквозь мокрую ткань брюк.

Пэй Чан судорожно вытянулся в струну.

Никогда в жизни он не испытывал столь сокрушительного, одурающего позора.

<http://bllate.org/book/20309/2131222>